

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Полина ВЛАСТОВСКАЯ
(Москва)

**Образная система романа «Бесы» Ф.М.Достоевского
в цикле «То не ветер в полях над ракитою...»
Е.И.Васильевой.**

*«Не смущаясь и не кроясь,
Я смотрю в глаза людей,
Я нашел себе подругу
Из породы лебедей».*
Н.С.Гумилев¹

В письме к Е.Я.Архиппову от октября 1922 года Д.С.Усов пишет: «А *«То не ветер в полях над ракитою» мне совсем не по душе. Это — не Черубина, и, вообще, никто и ничто. Пустота»*². Мы не можем судить о верности оценки Усова, но следует отметить, что он, уловив некую чужеродность этого цикла для творчества Черубины (так он продолжал называть Васильеву), был в чем-то прав. Действительно, сложно говорить об аутентичности образной системы и поэтики цикла. Но более внимательный читатель заметит, что тематически этот цикл удачно встраивается в ряд стихов Васильевой 20-х годов и оказывается подготовленным сложившимися к тому времени мироощущением, литературными пристрастиями автора и, вероятно, событиями личной жизни.

Интерес Васильевой к «русской» теме начинает проявляться в стихах весны 1922 года и становится отчетливо заметен летом-осенью того же года. Чем, кроме политических событий того времени, мог быть вызван такой интерес?

Известно, что благодаря Архиппову Васильева познакомилась со стихами Веры Меркурьевой, которые произвели на нее большое впечатление и, по-видимому, вдохновили на создание ряда «русских» стихов.

---

¹ Надпись, сделанная Н.Гумилевым в альбоме, подаренном им Е.И.Васильевой.

² Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...». Т.2. Письма / Сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. — М.: Эллис Лак, 2011. — С. 109.

Из письма Васильевой Архипову от 23 апреля 1922 года: *«Рядом на столике лежали ваши письма и стихи Кассандры [Веры Меркурьевой — прим. П.В.], О них: они меня пленили...совсем пленили, особенно русские. «Моя любовь не девочка...» и о Финисте [Сказка про Тоску (вариант — Сказочка обо мне) — прим.П.В.]*

В ней есть то, чего так хотела я и чего у меня нет и не будет: подлинно русское, от Китежа, от раскольниковей Волги»³.

Отчетливее всего влияние Меркурьевой заметно в рассматриваемом нами цикле и еще нескольких стихотворений Васильевой того времени.

Во-первых, образ затворницы, монахини, Христовой невесты, ожидающей Жениха, у обеих поэтесс двойствен. Лирическая героиня (далее ЛГ) оказывается не только невестой Христа, но и женой разбойника (вариант — грешника, предателя и т.п.). Главной чертой ЛГ становится жертвенность, но не пассивная, а активная. Именно героиня выступает носителем действия (обычно во имя спасения возлюбленного).

У Меркурьевой: *«Увидит грех — от страха не опомнится. / А про нее подумать и не смей. / Но ты не верь смиреннице и скромнице, / К ней по ночам летает вихрем змей. <...> А утро чуть — по писанному, петому / Она стоит и молится — кому — / Любимому ли благостному Этому / Иль милому и страшному Тому?»⁴ или «Мой Сокол в крепком тереме / У лютой у Тоски <...> Купила те три ноченьки / Я дорогой ценой: / Прокинулись точь-в-точеньки / Я ведьмой, ведьма — мной»⁵.*

У Васильевой: *«Буду ночью стоять пред иконами, / Расплетая твою же кудель. <...> Не порву, все по нитке распутаю, / Двух концов узелком не свяжу, / За твою ли за душу беспутную / Все молитвы, как песню, твержу»⁶.*

«Жених» же у Васильевой и Меркурьевой тоже представлен двояко: змей, оборачивающийся Соловьем-Разбойником; Иван-Царевич и Финист Ясный Сокол — сказочные персонажи, по своей природе способные к перевоплощению. Но главная их двойственность вызвана личными качествами: греховностью, возможностью предатель-

³ Черубина де Габриак Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А.Лемана к М.А.Волошину / Сост., подгот. текстов и примеч. В.П.Купченко и Р.П.Хрулевой. — Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2009. — С.107.

⁴ Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943) Стихи и жизнь // Лица. Биографический альманах. Вып.5. М.-СПб., 1994. С. 34.

⁵ Гаспаров М.Л., *op. cit.* С. 36.

⁶ Черубина де Габриак Исповедь. — М.: Аграф, 1999. — С.164.

ства. Мир переживаний и чувств также неустойчив и зыбок, возникает путаница, одно подменяется другим:

У Меркурьевой: *«Сняла из-под мониста я / Свой голос молодой / Та — птица голосистая, / А я шиплю змеей. / Не знала ведь доселе я / Меняясь легко, / Что быть тоске веселием, / Веселию тоской»*⁷.

У Васильевой: *«Неизбывную радость узнала я, / Только радость зовется тоской...»*⁸.

Если у Меркурьевой двойственность героев представлена как данность, безоценочно, то у Васильевой идея раздвоенности приобретает определенный смысл и вполне однозначно оценивается. Внутренние противоречия, раздвоение «Я» приводят к разрушению человека. Вообще мотив двойничества является частотным в лирике Васильевой: *«Никто из нас себе не верен, / За каждым следует двойник...»*⁹. Раскол «Я» влечет за собой потерю не только себя, но и ценностей, жизненных ориентиров. Подобное разведение для Васильевой становится общечеловеческим свойством. И эта личинность, масочность для нее в первую очередь оказываются связаны с бесовством¹⁰. Лишь с обращением к вере человек способен исцелиться: *«Господь, Господь. Наш путь — неправый. / В глазах — любовь, в ладони — нож. / Но облик наш двойной, лукавый / Весь до конца лишь ты поймешь. <...> В Тебе, Тебе спасенье наше. / В последней битве — Ты оплот»*¹¹.

В цикле «То не ветер в полях над ракитою...» эта тема также находит свое отражение и становится очевидно созвучной проблематике романа «Бесы» Ф.М.Достоевского. Зримой эту связь делают:

- образы главных героев, ЛГ и ее возлюбленного, которые являются своего рода аллюзиями на Лебядкину и Ставрогина;
- частотное употребление слова «бесы» и производных от него;
- связанный с мотивом бесовства мотив двойничества.

Такая литературная ассоциация не случайна. Во-первых, стремление Васильевой написать «русские» стихи, обращаясь к образной системе именно этого романа, можно объяснить не только его чрез-

---

⁷ Гаспаров М.Л., *op. cit.* С. 36.

⁸ Черубина де Габриак, *op. cit.* С. 164..

⁹ Черубина де Габриак, *op. cit.* С. 142.

¹⁰ Эта связь убедительно продемонстрирована в работе: Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды.: в 2 тт., том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М.: «Гнозис», 1994.

¹¹ Черубина де Габриак, *op. cit.* С. 141.

вычайной популярностью в начале XX века, но и тяготением поэтессы к исконно русскому, а также сходством интересовавших ее образов и сюжетов, по сути архетипических, с образами «Бесов», романа, насыщенного фольклорными образами. Во-вторых, ореол, созданный вокруг Марьи Тимофеевны, не мог не быть привлекательным для Васильевой в силу биографических обстоятельств: хромота, сходная любовная коллизия — это, пожалуй, сближало Васильеву с Лебядкиной. Более того, поэтесса могла отождествлять себя с лебедью. О.Н.Анненкова в стихотворении, посвященном Васильевой, обращается к ней именно так: *«Но свирельным, нежным зовом, / Лебедь, ты пропела мне»*¹². Но главным нам представляется то, что Лебедью называл Васильеву Гумилев, с которым, на наш взгляд, связан этот цикл вообще. Остановимся чуть подробнее на этом вопросе. Летом 1922 года Елизавета Ивановна посетила Эриха Голлербаха, искусствоведа, критика, который попросил оставить ее автограф в своем альбоме, хранящем строки таких авторов, как Г. Иванов, В. Пяст, А. Блок, Ф. Сологуб, Н. Гумилев, Н. Клюев и другие. Васильева обратила внимание на стихотворение А.Ахматовой, помеченное августом 1921, предсказывающее гибель Н. Гумилева:

*«Не бывать тебе в живых, / Со снегу не встать... / Двадцать восемь штыковых, / Огнестрельных пять. / Горькую обновушку / Другу шила я. / Любит, любит кровушку / Русская земля»*¹³.

Васильева же на обороте написала свое стихотворение «Это все оттого, что в России...», выбор которого нельзя назвать случайным. В нем так же, как и в рассматриваемом нами цикле, подчеркивается губительная раздвоенность человеческой души: *«В этой темной стране, / Наши души такие иные, две несродных стихии...»*¹⁴. Так прочитанное Васильевой стихотворение Ахматовой в известном альбоме могло послужить толчком для дальнейших рассуждений Васильевой о России. Возможно, «русская» тема (связанная более всего с мотивом разъединения, раздвоения) для Васильевой могла оказаться сопряженной с Гумилевым.

Необходимо отметить, что одно из ноябрьских стихотворений 1925 года, наполненных воспоминаниями о прошедшем, посвященных теме отвергнутого «бесценного дара любви единой» и, по-видимому, об-

¹² Агеева Л.И. Неразгаданная Черубина: Документальное повествование. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. — С. 285.

¹³ Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1. Стихотворения. 1904–1941 / Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н.В.Королевой. — М.: Эллис Лак, 1998. — С. 355.

¹⁴ Черубина де Габриак, *op. cit.* С. 147.

ращенных к Гумилеву, повторяет образную систему цикла «То не ветер в полях над ракитою...» и напоминает сюжетику «русских» стихов Меркурьевой: «*Ровно в полночь напиться воды / Прилетал к тебе Витязь крылатый...*»¹⁵ В другом стихотворении того времени, посвященном Гумилеву, появляется образ лебедя: «*А здесь, в воде холодного пруда / на смерть подстреленный, крылами / плещет лебедь*»¹⁶.

Таким образом, мы можем предположить, что за стилизацией, к которой прибегла Васильева при написании цикла «То не ветер в полях над ракитою...», кроется ее личная ситуация отношений с Н.С.Гумилевым. Обращение к ролевой лирике здесь, вероятно, можно объяснить желанием поэтессы спрятать излишний биографизм за «чужим словом», буквально — за заимствованной образной системой.

Яркий пример «русского», фольклоризированного образа в романе «Бесы» — образ Хромоножки, который вполне мог импонировать Васильевой, частично корреспондирует с образом ЛГ ее поэтического цикла. ЛГ так же, как и Лебядкина (в свое время) является затворницей, Христовой невестой, но и в то же время невестой (женой) грешника. В связи с этим функционально важна историческая песня Евдокии Лопухиной, царицы, помещенной своим князем в монастырь. Эту песню Марья Тимофеевна поет, когда ее навещает Шатов. По сюжету царица ожидает своего князя. Но, в результате, когда он возвращается за ней, отказывается покидать монастырские стены вместе с ним, сетуя на то, что выбор своей уже сделала: остаться навсегда в монастыре и молиться за его душу: «*Мне не надобен нов высок терем! / Я остануся в этой келейке; / Уж я стану жить, спасатися, / За тебя Богу молитися!*»¹⁷.

Как мы можем заметить, Лебядкина, исполняя эту песню, отчасти предрекла собственную судьбу. Сюжет песни ложится и в основу цикла Васильевой: затворница ожидает своего возлюбленного, молится за спасение его души. Вообще мотив ожидания жениха, столь популярный в символистских кругах, в текстах Достоевского и Васильевой представлен и как аллюзия на евангельскую притчу о десяти девах (подробнее об этом скажем ниже), и как элемент свадебного фольклора: здесь важно обозначить его связь с мотивами прядения и гадания, сопряженными с темой судьбы. ЛГ цикла и Марья Тимофеевна наделены способностями предвидеть будущее

---

¹⁵ Черубина де Габриак, *op. cit.* С. 178.

¹⁶ Черубина де Габриак, *op. cit.* С. 174.

¹⁷ «Возле реченьки я хожу, молода...» // *Великорусские народные песни.* — Т. I. — СПб., 1895. — С. 387–389.

или «творить» судьбу. Так, Лебядкина умеет гадать, видит пророческие сны¹⁸ (ожидая Ставрогина). ЛГ цикла Васильевой прядет, распутывает кудель жизни возлюбленного — замаливает его грехи.¹⁹

Также важнейшей особенностью образа Лебядкиной оказывается то, что именно в нем персонифицирована идея «о животворности связи с матерью-сырой землей, столь трагично утраченная Ставрогиным»²⁰, связанная с мотивом Богородицы — матери-сырой земли. У ЛГ цикла Васильевой значение образа Богородицы иное. Значительное влияние на становление образа ЛГ оказала апокрифическая традиция, связанная с текстом «Хождение Богородицы по мукам». Героиня цикла, подобно Богородице, спускается в ад и просит Господа об очищении души грешника²¹.

Именно апокрифический образ Богородицы выступил в тексте Васильевой в качестве некоего литературного источника, главной чертой которого является деятельное самопожертвование. Лебядкиной же свойственна пассивная жертвенность. А в цикле Васильевой жертвенность героини оказывается спасительной для адресата речи. Только обращение к вере позволяет человеку обрести гармонию, преодолеть бесовское раздвоение себя, и именно такой сильной, цельной натурой в цикле является ЛГ. Поэтому безумие, некогда утопленный ребенок и прочие маркеры образа Лебядкиной, связанные с мотивом бесовства²², не упоминаются в цикле Васильевой вовсе.

Говоря об образе жениха-грешника в цикле «То не ветер в полях над ракитою...», необходимо отметить следующую особенность: ставрогинская масочность, личинность, двойственность героя, являющаяся причиной его греховности, подчеркивается на уровне фольклорных источников образа. И в романе Достоевского, и в цикле Васильевой образ героя сформирован из свойств двух сказочных персонажей: Ивана-царевича²³, имеющего способности к перевоплощению, и

¹⁸ Сон-дрема — составляющая мотива ожидания жениха согласно свадебному обрядовому фольклору, а также — евангельской притче о десяти девах.

¹⁹ Мотив прядения — глубоко мифологичный мотив свадебного фольклора.

²⁰ Михнюкевич В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М.Достоевского. — Челябинск, 1994. — С.157.

²¹ В апокрифе Богородица просит Господа ослабить муки грешников.

²² Речь идет о Повести о Соломонии, тексте XVII века, в котором главная героиня топит своих детей, рожденных от бесов, и, возможно, о балладе о Монашенке, утопившей своего ребенка.

²³ О двойственности этого персонажа см. Milivoje Jovanović. Техника романа тайн в Бесах // *Dostoevsky Studies / Toronto Slavic Quarterly*. — V.5, 1984.

жениха-разбойника²⁴, ведущего двойной образ жизни. Впоследствии образ жениха-разбойника трансформируется в более конкретные образы Степана Разина и Гришки Отрепьева. Исследователи отмечают связь сюжета исторических песен о Разине и Отрепьеве с образом Ставрогина в романе «Бесы». В цикле Васильевой отсылка к сюжету о женихе-разбойнике и, конкретнее, о Стеньке Разине объяснима и крайним интересом поэтессы к тем историческим времени и месту (раскольничья Волга).

Кроме того, важно отметить, что двойственность восприятия Ставрогина и героя цикла создается не только за счет их греховности (вызванной внутренней несогласованностью), но за счет их «грешного праведничества» — их ассоциации с Женихом. Вспоминая евангельскую притчу о десяти девах, обратимся к текстам «Бесов» и цикла. Отметим, что Лебядкина дремала, пока ждала прихода Ставрогина, а в комнате ее на столе стояла лампа и, перед образом, лампадка.

Прямой ассоциации между этой притчей и циклом Васильевой нет, но есть постепенное развитие мотивов ее сюжета. Дело в том, что на протяжении всего творческого пути Васильевой ее интерпретация этой притчи менялась. Можно сказать, что она симпатизировала «деве угасшей лампы», которая, в ее трактовке, сама отвергла «зов Жениха». Позднее, в 1922 году, Васильева пишет стихотворение, в котором лампаду замещает сердце ЛГ: она зажигает его «на дорогах» своего князя, Жениха. В рассматриваемом же нами цикле эта тема завершает свое развитие: сердце ЛГ оказывается сожженным, вероятно, во имя искупления грехов ожидаемого возлюбленного: «Сердце мое — зола / кадилъная, / тлен и прах...»²⁵.

Итак, как мы могли заметить, образная система «Бесов» в цикле выступает в качестве системы опознавательных знаков, маркеров, отсылающих к содержанию романа. Образы героев остаются прежними, но функции их меняются. Так, движущим, деятельным персонажем в цикле Васильевой становится ЛГ, в «Бесах» же ее прототип, Марья Тимофеевна, скорее пассивна, ей отводится роль жертвы повеле. Жертвенность же ЛГ цикла деятельна и осознанна.

Вообще обращение Васильевой именно к этому роману Достоевского могло иметь ряд причин. Во-первых, оно могло быть продиктовано своеобразным поиском поэтессы новых форм для во-

²⁴ Сюжет о женихе-разбойнике наиболее иллюстративно представлен и широко известен благодаря балладе А.С. Пушкина «Жених».

²⁵ Черубина де Габриак, *op. cit.* С.165.

площения своих «русских» идей, которые ей не принадлежали полностью — часть их была почерпнута из творчества Меркурьевой.

Во-вторых, его можно объяснить желанием Васильевой найти подкрепление своим мыслям в более авторитетном и известном произведении, обращение к которому позволило бы ей быть понятой.

В-третьих, привлечение всем известных образов можно считать не только эвфемистичной попыткой скрыть личное, но и стремлением обозначить проблему цикла, образы и любовную коллизию как повсеместные и вневременные.

В-четвертых, вероятно, Васильеву привлекал именно глубокий фольклорный и религиозный пласт «Бесов». Роман стал своеобразным посредником между ее циклом и народно-поэтической традицией, особую значимость которой мы считаем нужным подчеркнуть. И в романе Достоевского, и в цикле Васильевой избавление от бесовства, спасение возможно лишь через искреннее обращение к ненаносной вере, главным носителем которой в представлении авторов является народ.